

Борис ШАЛАГИНОВ
НОВАЯ МОЛОДЁЖНАЯ ЭСТЕТИКА,
ИЛИ О ВОСПИТАНИИ ЧУВСТВ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРН

(Постійне місце статті: Collegium: Международный научно-художественный журнал. — Киев — №25, 2016 г.— С. 2-29).

Молодёжь впервые стала специальной темой для философов на рубеже XVIII-XIX вв. В то время Европа в политическом и культурном отношении переживала ситуацию не менее отчаянную, нежели в наши дни. Французская революция и её драматические последствия привели к хаотическому перемещению человеческих масс, обвалу финансовых систем, дерзкому соперничеству политических сил, взаимной национальной розни.

Кризис поразил также и искусство. По свидетельству современника, немецкого литературного критика и философа Фридриха Шлегеля, «искусство потеряно, потому что толпы не столько диких, сколько ложно воспитанных людей готовы наполнить своё воображение всем, что только странно и ново, чтобы лишь чем-нибудь заполнить бесконечную пустоту своей души и хоть на несколько мгновений избежать невыносимой тяготы своего существования (...) Авантюрные или ребяческие образы имеют целью будить увядшие вожеления, щекотать притупившиеся чувства и льстить грубым желанием».

Процесс перемешивания сословий и классов не прошёл бесследно и для публики: «Вкус всё более притупляется от приевшихся раздражителей, стремится к раздражителям ещё более сильным и острым, и уже переходит к пикантному и потрясающему (...). Господствуют пошлость — скудная пища бессильного вкуса, и, как последняя конвульсия отмирающего вкуса — шокирующее, то есть авантюрное, отвратительное и ужасное»¹.

Основную надежду на обновление искусства процитированный нами

¹ Шлегель, Фридрих. Эстетика. Философия. Критика: В 2-х т. / Пер. Ю. Н. Попова.— Т. 1.— М.: Искусство, 1983.— С. 91-92, 99, 116 («История эстетики в памятниках и документах»).

критик возлагал на молодёжь. Более того, по его мнению, главное место в обществе должно отныне принадлежать молодому поколению, его взглядам, вкусам, решениям и креативной энергии. Через полстолетия мысль классика принял Фридрих Ницше, переводя её на язык своих категорий: «воля к жизни», «воля к силе», «воля к творчеству»... Но с важным отличием: буржуазия конца XIX века уже не была способна ни к какой духовной жизни. «Бравый» Фигаро безнадежно одряхлел физически и морально. Единственная надежда — уже на *новое* молодое поколение.

На первый взгляд, Ницше даёт юности индульгенцию на право ничем не ограниченного самопроявления: «Наивернейшим показателем более прочного здоровья этой молодёжи должно служить именно то, что она для обозначения истинной своей сущности не нуждается в обиходной валюте газетных понятий и партийных терминов, а только в каждую удачную минуту своей жизни сознаёт в себе действие живущей в ней боевой отборочной и рассасывающей силы и всегда повышенного чувства жизни». Однако тут же выдвигает перед ней историческую обязанность «идти в авангарде более счастливого и более прекрасного *образования* и *человечности*, не получая от этого грядущего счастья и красоты ничего, кроме многообещающего предчувствия»!²

Задача нашей статьи — бросить беглый взгляд на молодёжь современной Европы и посмотреть, как ответила она на ожидания того, кто более чем кто-либо связывал именно с ней свои надежды на обновление европейской культуры, на избавление её от мещанского скудоумия и буржуазного высокомерия к истинным духовным ценностям. Мы остановимся на трёх доминантах в жизни молодёжи XXI века. Это литература, музыка и компьютер.

Модернистический проект немецких романтиков

Ф. Шлегель, автор процитированных выше пронзительных строк, был

² *Ницше, Фридрих. Человеческое, слишком человеческое./ Пер. Семёна Франка. //Соч.: В 2-х т.— Т. 1. — М.: Мысль, 1996.— С. 228.*

одним из тех исторических энтузиастов, которые, раз уверовав в высокую идею, немедленно были готовы начать на её основе переделывать весь мир. В ответ на моральный, духовный и эстетический упадок в Европе немецкие романтики, и в первых рядах Ф. Шлегель, взялись за разработку проекта интеллектуального переустройства мира, главная идея которого заключалась в самоусовершенствовании личности путём постоянной и напряжённой работы над собой. Ещё одним аналитиком «Первого кризиса модерна» (как мы его именуем) был Фридрих Шиллер, выразивший полное неверие в способность государства поддержать индивидуальные стремления личности к самосовершенствованию. Свои главные надежды он возложил на искусство и философию. Индивидуализм Шиллера был поддержан рядом философов, в частности, И. Г. Фихте, писавшим, что «никто более философа не далёк от той иллюзии, будто его эпоха подвинется вперёд в весьма заметной степени именно благодаря его стремлениям. Всякий, кому Бог дал на это силы, конечно, должен всецело напрягать их к этой цели *ради самого себя* и ради того, чтобы закрепить в потоке времени то место, которое *ему* предназначено»³.

Через полвека идеи немецкого модернистического проекта были развиты Карлом Марксом в теорию усовершенствования *общества*. Следующий, XX век как раз и стал периодом реального конструирования новых форм общественного существования. За основу, как в России, так и в Германии, брались идеи всё той же немецкой классической философии, только *разных* её этапов.

Нельзя сказать, что и предыдущий, XIX век был в Европе временем одних только социальных утопий и теоретических поисков. Получившей политическую власть буржуазии с первых же её шагов активно оппонировал «модернистический проект», особенно в лице социализма, неуклонно превращавшегося тогда «из утопии в науку» и далее — в общественную

³ *Фихте, Иоганн Готлиб*. Несколько лекций о назначении учёного. Назначение человека. Основные черты современной эпохи: Сб. – Минск: Попурри, 1998.— С. 231-232.

практику. В то время, как в России и Украине *ещё* только вчитывались в Канта, Шеллинга и Гегеля, в парламентах Англии, Франции и Германии *уже* заседали фракции социалистов, активно добивавшиеся введения законов в поддержку малоимущих и угнетённых. Современная европейская буржуазия выросла под недрёманным оком социалистов и привыкла считаться с требованиями этой *уже тогда* окрепнувшей общественной силы. Так возникла знаменитая европейская демократия и правовая защищённость, вызывающая особенно в наши дни столько зависти и вожделения у народов, оказавшихся исторически на обочине европейского развития.

Наряду с постоянными и во многом успешными *политическими* наступлениями на буржуазию мы наблюдаем в XIX в. и необычайную активность немецкой романтической *утопии*, критикующей её со своих, философско-эстетических позиций. В этом ряду мы называем два главных имени — Рихарда Вагнера и Фридриха Ницше. Если первый не остался в стороне от политической борьбы и даже изобразил бесчеловечную власть золота и капиталистическую эксплуатацию в опере «Золото Рейна» (согласно его же автокомментариям), то Ницше углубился в психологическую антропологию буржуазного класса, чтобы беспощадной кистью нарисовать его портрет: это декадент и упадочник; филистер и обыватель; недовольный всем мировым порядком нытик; далёкий от реальности книжный червь; педант, исповедующий мелочную мораль; законопослушный чиновник; отупевший от учения выпускник гимназии; отупевший от непослушных учеников учитель; увядшее и слабое тело, утомлённая и бездеятельная душа.

В отличие от философов XX века Ницше критикует не человека вообще (как З. Фрейд), не саму идею человеческого существования (как Ж.-П. Сартр), не ограниченность человеческого разума (как Ж. Делёз), а вполне конкретные *исторические* черты общества, а именно — буржуазную психологию, буржуазную бездуховность, буржуазный эстетический вкус. Мысль его устремлена в «светлое будущее» (выражение немецкого романтика начала XIX в. Ф. Шлейермахера). Европейец уже не в состоянии

оптимально реализовывать возможности человеческой природы, поскольку утратил волю к кардинальному обновлению жизни, волю к самой жизненной силе («Wille zur Macht»)⁴. Жизнь превратилась для него в механическую привычку. Европейская культура попала в состояние, которое философ назвал (вслед за базельским профессором античности Якобом Бургхардом) упадком — «декадансом». Декаданс выражает себя через «филистерство»⁵ (мещанство), в основе которого — бессознательное стремление к душевному комфорту и бездеятельности. Девиз филистера: «Больше не должно искать!» Но хуже, когда филистерство выдвигает своё собственное жизнеобъяснение — философию *абсурда*: «Вместо того, чтобы сказать: “Я сам ни на что больше не способен”, лживая мораль в устах декадента заявляет: “Ничто не имеет ценности, а сама жизнь больше ничего не стоит!”».

Эстетический интеллект тоже начал плести свои причудливые гирлянды, которые уже довольно трудно увязать с самой жизнью. Вместо «игры природных сил», в результате которых возникают новые оригинальные формы жизни, распространились «игры в бисер» (по меткому выражению Г. Гессе).

Многое сближает трёх «пассионариев» XIX века — Маркса, Ницше и Ленина — как выучеников немецкой классической философии. В центре их критики были духовный упадок буржуазии и утрата ею креативной роли в культуре; оторванность от жизни, трусливость и беспринципность интеллигенции; искусственность и вычурность эстетических поисков; засилье мещанства, которое всё настойчивей стало претендовать на своё «собственное слово» в культуре; наконец, религия. Даже ницшевское «Бог умер!» прозвучало как прямая перифраза марксовой критики религии. Но

⁴ Это выражение Ницше у нас переводится как «воля к власти». Намного правильной перевод Арсения Гулыги «воля к мощи»; Николай Бердяев переводил «воля к могуществу»; в начале XX в. переводили также «воля к силе».

⁵ Так по-немецки звучит название библейского народа филистимлян. Герой Самсон считал их настолько никчемными, что однажды побил и разогнал одной ослиной челюстью.

если Ницше своей «переоценкой ценностей» («нигилизмом») лишь зафиксировал Второй кризис модерна, а вместе с тем в определённой степени и кризис романтического проекта создания новой интеллектуальной расы, то Маркс и Ленин, также разделяя опасность кризиса, предлагали свои пути его преодоления.

В следующем, XX-м веке модернистический проект немецких романтиков на несколько десятилетий (вплоть до конца Второй мировой войны), казалось бы, обрёл второе дыхание. Новые возможности человеческой природы в новых условиях исследовали преемники классического проекта, среди которых были Томас Манн, Генрих Манн, Бертольт Брехт, Герхард Гауптман, Лион Фейхтвангер, Стефан Цвейг, Анна Зегерс, Герман Гессе, Бернард Шоу, Джон Голсуорси, Герберт Уэллс, Ромен Роллан, Анатоль Франс, Максим Горький, Михаил Шолохов, Карел Чапек, Ярослав Гашек. Важно, что все они прошли через ницшеанство или марксизм. В их произведениях мы находим критику буржуазии, утратившей свою революционность, духовную креативность и вообще «волю к жизни»; разработку путей социального преодоления кризиса вплоть до переустройства самого общества; образы и ситуации духовной активности, внутреннего напряжения, постоянного «преодоления» в традициях Гёте, Фихте, Вагнера, Ницше... Эти писатели выражали веру в возрождение «должного («подлинного») бытия» и скептически изображали тот «минимум голого бытия», который, по словам К. Ясперса, составлял жизненные цели и психологические возможности буржуазии начала XX века.

Классический идеал умер!

После Второй мировой войны стали явными признаки Третьего и, как оказалось, окончательного кризиса эпохи Модерн, а вместе с ним и всего романтического проекта спасения духовных ценностей европейской цивилизации.

Казалось бы, после Нюрнберга политическая справедливость восторжествовала, а демократические ценности были вновь защищены.

Однако очень быстро эпоха восстановления разрушенной Европы продемонстрировала новые способы добывания чистогана, ещё более отвратительные и циничные, чем ранее. Усиливается цензура и борьба с инакомыслием («маккартизм» в США). Европейский обыватель был шокирован беззастенчивым соперничеством новых политических сил, стремившихся захватить каждая свою нишу в послевоенном «новом порядке». Психологического напряжения добавила и антисоветская истерия. Всё это совпало с уходом из жизни названного нами эстетического поколения, воплощавшего истинное свободомыслие и оптимистический взгляд на историю. Прибавим разочарование в традиционных духовных ценностях, когда в ходе пережитых военных событий главные европейские нации показали «своё истинное лицо». Мыслящие люди были охвачены чувством метафизической вины и одиночества в мире, утратившем свою системность и гармоничность.

Так возникла философия экзистенциализма, провозгласившая персональное бытие сугубо личным делом каждого, кто заброшен в этот мир. Отбрасываются вместе с ценностями и такие мощные опоры классического прошлого, как религия («Бог умер!»), духовная сила человеческой общности (вспомним скепсис хэмингуэевского «Иметь и не иметь»), государство (ещё раз после шиллеровской резиньянции всё в той же Германии), искусство, которое утратило свою органическую связь с народом и превратилось в «декоративную культуру» (Ницше) либо в коммерцию. Классические ценности с ораторских возвышений переместились на университетские кафедры, где они уже никого не тревожили, если не тревожили их. Культура всё более превращалась из ценностей в «стоимости», а образованность — в тривиальные «ящики для памяти», о чём предостерегал Ницше.

Показательно, что, начиная с 1950-х годов стало быстро расти количество «искателей высшей мудрости», разочарованных в европейских ценностях и бегущих от них в холодную и солнечную тишину буддистского Тибета, в безлюдье африканских прерий, в экзотику мусульманского Востока или

мистической Индии. Знаменитый гуманист XX века Альберт Швейцер, обличитель буржуазной культуры, теолог, философ, востоковед, музыковед, органист и врач, приезжает в Стокгольм для получения Нобелевской премии из глухой деревни Ламбарене в тропической Африке, чтобы тут же уехать обратно. Дэвид Селинджер, покинув США ради Востока, демонстрирует презрительное равнодушие к своей славе на обоих «цивилизованных» континентах... Многие из тех, кто покинул лоно европейской цивилизации, чтобы на Востоке ощутить своё участие в «подлинной» жизни, могли бы подписаться под словами Германа Гессе в «Степном волке»: «Я не верю в нашу науку, в нашу политику, в наш образ мышления, в то, как мы верим и развлекаемся, я не разделяю ни одного идеала нашего времени. Но в то же время... я верю в тысячелетние законы человечества, и я верю, что они спокойно переживут сумятицу нашего времени». Именно на Востоке эти «тысячелетние законы», по их мнению, как раз и могли сохраниться в нетленном виде и неизвращённой форме.

Сближение Запада и Востока являлось закономерным шагом в историческом процессе глобализации. Особенно ярко выразили этот процесс на рубеже XVIII-XIX вв. в своих произведениях В. Гёте, Г. Фихте, Ф. Шлегель, Новалис, Дж. Г. Байрон, А. Шопенгауэр, затем — С. Киркегор, В. Гюго, Р. Эмерсон, Г. Торо, Л. Толстой, из композиторов Г. Малер, а в XX в. — Г. Гессе, Т. Манн, Дж. Сантаяна, А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, О. Мессиян... Однако, если эти мыслители руководствовались желанием *обогащать* европейскую культуру, расширить её духовный спектр и возможности межнационального понимания, то массовое тяготение к Востоку во второй половине XX в. всё более превращалось в «эскейпизм», что свидетельствовало о разочаровании в европейских ценностях. А значит и о развале «западно-восточного синтеза», столь поспособствовавшего формированию европейской неповторимости.

Так умирали классические идеалы красоты, морали, гражданственности. Так заканчивалась эпоха Модерн.

На смену ей приходила другая эпоха — послеклассическая, «постмодерная». «Постмодерные» философы под туманные мантры об «усложнении мира» решительно отказывались от идеи самоусовершенствования человека и тем более какого бы то ни было переустройства общества. Многие классические ценности были объявлены «большим нарративом» (Ф. Лиотар) и сброшены с корабля современности. Либо на них распространялось понятие «симулякра»⁶ — перешедшего по эстафете из экзистенциализма «ничто», только облачённого в «предметную» форму. По сути, это такой вид убеждения, которое невозможно по непрерывной логической цепочке привести к своей непротиворечивой основе, поскольку в запутанном многоэтапном процессе «снятия» была *намеренно* допущена ошибка, выявить которую обывательский разум не в состоянии. Это относится к современным толкованиям таких смыслообразующих понятий, как «демократия», «ценности», «мораль», «истина», «свобода» и др.

Искусство, литература потеряли своё общенародное значение и превратились в вымученный за письменным столом плод усилий партикулярного автора, интересный узкому кругу ценителей, либо в очередной клон коммерчески успешного образца. Для того, чтобы привлечь внимание публики (которая из «почтеннейшей» в XVIII в. превратилась во «всё хавающий пипл»), неизменно повторяются приёмы, описанные в своё время ещё Ф. Шлегелем: «(Это) *низкое* искусство, не знающее иной привлекательности, кроме бьющей через край вульгарности и грубой страсти».

Молодёжь перед выбором:

«ценности» прошлого vs «симулякры» настоящего

Напомним, что процитированные выше строки были написаны более двухсот лет тому назад критиком, построившим все свои идеи обновления

⁶ Термин, заимствованный у Платона и полностью переосмысленный.

культуры на борьбе с вульгарными, обывательскими вкусами. Но существовало важное отличие: обыватель начала XIX в. был уже не молодым человеком с «увядшими вожделениями» и «притупившимися чувствами». Именно тогда началась борьба всего молодого и прогрессивного со старым и консервативным⁷. Парадокс же спора наших дней заключается в том, что сторонники истинных ценностей, как оказалось, защищают *прошлое*, а представляющая *настоящее* молодёжь отдаёт предпочтение симулякрам. Прошлое и современное, зрелость и молодость поменялись местами. Современного обывателя легче найти не между представителями «уходящего прошлого», а как раз среди молодёжи! Как такое могло произойти?

На рубеже XX-XXI мы наблюдаем бурное развитие рынка, ориентированного на всё молодёжное и постепенно охватывающего всё подростковое, и даже более ранний возраст. Мода на молодость включает одежду и обувь, причёски, гаджеты, видеофильмы и музыкальные диски, компьютерную продукцию, в частности игры...

В своих жизненных планах подростки массово ориентируются на максимальное использование собственного «гендерного» и «возрастного» ресурса. Девочки довольно рано начинают рассматривать своё тело как ключевой ресурс счастливого будущего. Распространяется канон «истинной» женской (точнее даже — девичьей) привлекательности, составляющими элементами которой становятся не только соответствующая внешность, но и умение «конвертировать» её в материальную выгоду. Культ «изысканного эроса» как составляющая часть успешного «образа жизни», навязывается и так называемой «женским романом». Взрослая женщина всё чаще стремится внешне выглядеть не как зрелая дама, а как молоденькая наивная девушка.

⁷ Подробней см.: Шалагинов, Борис. Как важно быть авангардистом: Размышления о некоторых историко-литературных параллелях. // Литературная газета+Курьер культуры: Крым-Севастополь. — № 4 (26 февраля-11 марта) 2009; Шалагинов, Борис. До питання про хронологію авангарду в європейській літературі Нового часу. // Магістеріум: Вип. 38: Літературознавчі студії. — Київ, 2010. — С. 9-12.

Юноши довольно рано начинают воспринимать противоположный пол как предмет сексуальных утех и «мерило» материальных и карьерных успехов.

Постмодерная индустрия не просто откликается на эти новые запросы; правильной было бы утверждать, что она их активно *формирует*, и уже не «отчуждённо» (К. Маркс), как в предыдущие столетия, а путём включения в широкий рынок спроса, специально создаваемый с этой целью.

Так, мощным стимулом развития рыночного спроса для молодёжи стало ещё с 1960-х годов сексуальная жизнь, поэтому промышленное лобби старается придумывать всё новые и новые интересы и потребности, связанные с открытым Зигмундом Фрейдом «принципом удовольствия». Большую прибыль начинает давать всё, что связано с гей-лесбианскими сообществами. Укажем также на невиданный расцвет пластической и трансгендерной хирургии, заявляющей своё весомое слово в формировании «взрослой» моды и распространяющей своё влияние даже на детство⁸. «Транссексуалы» фигурируют в детских фильмах в качестве жизненной и эстетической нормы⁹. В этих условиях роль школьного педагога и культурных родителей отодвигается далеко на задний план перед телевизионным «гуру» и рекламой.

Так воспитывается человек эпохи Постмодерн, молодой обыватель.

В 1980-е годы мы наблюдаем на Западе принципиальное обновление детской литературы, возрастание общественного интереса к ней, успешное развитие коммерческой ветки на её основе, появление сверхгромких бестселлеров. *Ребёнок становится прибыльной мишенью книжного рынка.*

⁸ Знаменитые киноактёры США Анджелина Джоли и Бред Питт серьёзно обсуждают вопрос о хирургическом превращении в мальчика своей пятилетней дочери на том основании, что у неё проявляется активный и боевой темперамент.

⁹ В кинофильме «Шрек». Начавши абсолютно невинно в «Звёздных войнах» тему «трансантропидов» в далёких мирах, «фэнтезийные» фильмы постепенно приучили подростка воспринимать «транссексуальность» как обычную жизненную норму. По свидетельствам учёных, навязанная рекламой *мода* на такие трансформации в разы превышает настоящую биологическую необходимость.

На рубеже XX-XXI вв. наиболее существенно повлияли на радикальное обновление подростковых и юношеских интересов в русле постмодернизма такие произведения, как романы Дж. Р. Р. Толкина, киносериал «Звёздные войны» и многотомная история Гарри Поттера. Последнее произведение было задумано специально для переориентации эстетических вкусов будущего поколения «эпохи неограниченного потребления» в Европе и США. Книги этой «серии» выходили на протяжении 15 лет. Именно столько необходимо, чтобы целое поколение детей повзрослело, стало родителями и было готово прививать своим маленьким детям абсолютно новые вкусы. Как только «демографический вопрос» был решён, необходимость в продолжении литературного сериала (9 томов) отпала. Можно оставить в стороне вопрос о настоящем авторе (или авторах) сериала; однако нет сомнений в том, что это был тщательно продуманный долговременный коммерционно-идеологический проект.

Талантливые произведения скандинависта Толкина положили начало целому жанровому направлению «фэнтези», многотомность которых тоже предполагала цель удерживать продолжительное время внимание подростков и формировать их эстетические вкусы в новом направлении¹⁰.

После названных трёх художественных «хитов» вкусы подростков и молодёжи существенно изменились. В частности, за минувшие два десятилетия европейский подросток потерял интерес к литературе гражданского и патриотического содержания. Отошла далеко на задний план тема подготовки ребёнка к социально активной жизни, к социальному творчеству. Значительно снизился интерес к жизни реального общества.

¹⁰ См. подробнее: *Почепцов Г.* Сучасні інформаційні війни.— К.: ВД «КМА», 2015. — С. 310-317; прилагается содержательный список литературы к теме о «фэнтези» как идеологическом проекте. См. также: *Пол Мэйсон.* Чем окончится «Игра престолов»?// «The Guardian» от 6 апреля 2015./Код доступа: <http://www.theguardian.com/tv-and-radio/2015/apr/06/marxist-theory-game-of-thrones-lannisters-bankers-sex-power-feudal-westeros-revolution>. Там же английская подборка материалов о фэнтези. Русский перевод статьи: <http://liva.com.ua/gameof-thrones.html>.

А свобода рассматривалась уже не как понятие коллективное, в частности, социально и экономическое, не как свобода от манипуляции сознанием и свобода выражения мнения, а только как свобода партикулярного индивида удовлетворять собственные прагматические потребности, да ещё как свобода выбирать «свой» вариант истины¹¹.

Подростки перестали читать произведения, которые рассказывают о жизни социально обездоленных или политически угнетённых слоёв населения и целых народов, об их борьбе за социальную справедливость, которые пробуждают горячее сочувствие к ним («Хижина дяди Тома», «Отверженные», «Овод», «Мартин Иден», «Дети подземелья»...).

Вместо этого появилась целая плеяда героев-волшебников и защитников, вступающих в поединок с такими же самыми волшебниками, только «злыми», и успешно побеждавших их. Социальные конфликты уступали место конфликтам сказочно-волшебным, где отверженным и обездоленным оставалось только пассивно ждать. Но воспитанный на «классике» читатель не понимал, как можно сочувствовать этим абсолютно заурядным людям — фактически обывателям с неопределёнными жизненными интересами, узким кругозором и вялыми либо просто истерическими эмоциями?

Новая детская литература уже не раскрывает мир в его исторических измерениях. Подросток воспринимает в виде придуманных, мифологизированных, демонизированных масок реальных исторических лиц, присутствующих в школьных программах по истории и литературе, среди них и тех, кому общество обязано своими ценностями и правами. Понятно, что в обществе с амальгамоподобной национальной и социальной структурой не может быть для всех одинакового интереса к биографиям национальных

¹¹ По утверждению социолога, «быть свободным в британском понимании означало покупать товары метрополии. В рамках американской максимы быть свободным — это иметь свободу наняться в транснациональную корпорацию на работу» — <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=274287>. Из украинских школьных программ по зарубежной литературе последовательно исключались произведения, где свобода трактовалась как *коллективная* свобода, и вместо этого предлагались тексты, где в качестве «свободного» выбора индивида представлялась однополая любовь.

лидеров и духовных вождей. Поскольку человек современной потребительской цивилизации живёт в мире доступных за деньги вещей и услуг, то и «исторический» мир предстаёт перед молодым читателем как мир экзотического «реквизита», не исторической правдой привлекающий и не тяжким переплетением человеческих судеб волнующий, а лишь манящий и утомляющий, как обильная россыпь товаров на полках гипермаркета игрушек.

Всё сказанное касается мира высоких чувств, прежде всего любви, которое в современных фэнтези изображается лишь как своеобразная эстетическая разновидность сексуальности, вариант увлекательного сексуального «имиджа» или эротического приключения. Свою роль сыграла тут знаменитая кукла Барби. Вот уже несколько десятилетий воплощает она для подростка мечту об «идеальной женственности», представленную в готовом «комплекте»: одежда, внешний вид, тип красоты, обстановка, жизненные планы... А со временем появился ещё идеальный «бой-френд» Кен, а также ещё одна крохотная кукла — ребёнок, которого Барби собирается родить от Кена и которого можно вставить в специальную выемку в пластмассовом животе девушки.

У нового поколения читателей, переживших основательную «барбизацию чувств», искажены представления о тончайшем, деликатнейшем механизме духовной жизни и продолжения рода человеческого — об интимных отношениях между полами. Поэтому они воспринимают их либо в огрублённом плане приобретения «сексуального опыта», либо как псевдоромантическую фантазийность, своеобразный поведенческий «имидж». Им уже трудно понять психологическую мотивацию в классических произведениях, где любовь раскрывается как высокий образец моральных отношений, которые, в отличие от «фэнтези», действительно имеют место в жизни *реальных* людей. Трактовка любви лишь в качестве варианта сексуальности разрывает связь между всеми совокупными оттенками этого понятия, возникшего исторически и приобретшего

общественную значимость: любовь к человеку (противоположному полу, родителям, ребёнку...), к Родине, к родному языку, к Богу, к искусству, к природе и т. п.

Аналогичным образом искажены представления о прямых, открытых отношениях между людьми, о мужской дружбе, о женской дружбе. Психологически тонкая ментальность индивидуального общения разрушается на глазах. Так воспитывается человек постмодерна — *homo non-indignans*, человек, утративший способность возмущаться и протестовать, но способный только раздражаться и анархически бунтовать¹².

Придуманые «фэнтезийные», «экзистенциальные» и т. п. литературные конфликты фактически обесценили и свели на нет уже на нашем рубеже тысячелетий классические эстетические категории героического, трагического, сатирического, ориентирующие читателя на более глубокое понимание *реальной* жизни.

Вследствие «искусственности», придуманности человеческих отношений были существенно схематизированы и искажены также высокие *моральные* категории. В результате современному подростку уже очень не просто адекватно воспринимать высокоидейную литературу классики.

Итак, фэнтезийные «свобода», «любовь», «история», «борьба», «гендерные права»... — таковы «симулякры» сегодняшнего дня. И не знаешь, что же лучше: они или «тошнота», либо даже совсем «ничто» Ж.-П. Сартра! Безусловно, на Западе есть серьёзные писатели, которые отстаивают высокие ценности и обращаются к детям как к своим будущим духовным единомышленникам. Однако их не так много и им трудно бороться с господствующей современной тенденцией представлять литературу лишь как отдельную коммерческую ветвь досуга и развлечений.

¹² Подробней см.: Шалагінов, Борис. Про аромат влади і аромат рабства: роздуми до ювілею роману Патріка Зюскінда.// Всесвіт: журнал іноземної літератури. — 2015, №1/2. — С.222-229.

Переселенцы и эстетика «обочины жизни»

В последние годы развлекательные каналы ТВ и музыкальные видеодиски активно пропагандируют эстетику руин, разрушения, упадка, разложения. Демонстрируются вокально-танцевальные клипы на фоне мрачных, облупленных кирпичных стен, мусорных баков, горящих мусорных куч. Дырявые колготки или изрезанные джинсы фигурируют в повседневности, в модных дефиле на подиумах, на музыкально-танцевальной эстраде, предлагаются в бутиках. Певцы заявляют: «Если мы хотим, чтобы молодёжь нас слушала, мы должны одеваться, как она». На рекламных стендах женские лица из мировой живописи (Мона Лиза) и современные «иконы стиля» (Мерилин Монро) обезображены «усами» и другими неподобающими элементами, причём самими производителями рекламы. Стены городских зданий покрыты надписями, не несущими никакого смысла, — «граффити»¹³...

В 1960-е гг. молодёжь стала протестовать против лоска и сытости послевоенного буржуазного существования, достигнутого, как она считала, ценой бездуховности и узкого прагматизма. И вот тогда этот эмбрион «удовольствия от упаднического» вырос и развился в самостоятельное и всеохватывающее эстетическое направление. Чтобы выразить протест, достаточно было заявиться в «добропорядочное общество» в пропитанных мочой джинсах или промчаться с оглушительным рёвом на мотоцикле по ночным улицам города.

В этих «протестных» акциях активней всего участвовала одна категория населения — *переселенцы*, которым вскоре суждено было оказать решающее влияние не только на формирование новой массовой «эстетики обочины», но и на разрушение национального облика европейской культуры вообще. Постараемся проследить, как столь отвлечённая в момент своего возникно-

¹³ Археологи называют этим словом любые надписи на поверхности древних артефактов, как правило, выцарапанные острым предметом.

вения эстетика «отвратительного», пройдя через этап «антигуманного», пришла к своему логическому концу — «антиевропейскому».

После 1945 г. значительные массы гастарбайтеров, главным образом из Турции, двинулись в разрушенную войной Германию, где их принимали с распростёртыми объятиями как дешёвую и неприхотливую физическую силу. В середине 1950-х, в связи с развалом колониальных владений Англии (Египет, Судан), а с начала 1960-х годов и Франции, в обе эти страны стали массово прибывать люди из мусульманского мира (Египет, Судан, Индия, Алжир, Марокко, Тунис)¹⁴. Они усугубили ситуацию *механического перемешивания* населения, в которой упрекал Европу ещё Ницше 150 лет тому назад. Упрекал в отсутствии «солидарности цепи поколений вперёд и назад *in infinitum*», в отсутствии объединяющей идеи и «единой воли (...), которая могла бы выдвигать цели на тысячелетия вперед, – чтобы наконец окончилась затяжная комедия её маленьких государств...», упрекал в «жалком европейском партикуляризме и нервозности». Любопытно, что полную противоположность этим чертам он видел в то время в России¹⁵.

Инфраструктура тогдашней Европы, занятой восстановительным «планом Маршалла», не была вполне готова к тому, чтобы все эти темнокожие иноземцы и их вскоре появившиеся на свет дети получали нормативное европейское образование. Культурно-образовательные потребности этих людей обеспечивались по «остаточному принципу». Повторилась ситуация «варваризации» культуры «титупольной нации» в древнем Риме, где наплыв рабов, быстро пронизавших всю её инфраструктуру, привносил с собой, конечно, увлекательное разнообразие; но рабы плохо знали латинский язык, не принимали римских богов, морали и обычаев, пренебрежительно относились к римской образованности, наконец, были равнодушны к

¹⁴ На сегодняшний день во Франции живёт самое большое количество мусульман в Европе — около 5 миллионов (на 59 миллионов населения). Для сравнения, в США проживает 8 миллионов мусульман (на 325 миллионов населения), не считая переселенцев из латиноамериканских и др. стран.

¹⁵ См. «Сумерки идолов», § 39; «По ту сторону добра и зла», §208.

гражданским чувствам римлян, к их патриотизму и прочим республиканским добродетелям! И Рим вскоре пал!

Многослойность аналогичного конгломерата вызывает уже у нынешних европейцев амбивалентные чувства перемежающегося с ужасом беспокойства и — *эстетического интереса!* Уже в наши дни перед Европой, безусловно, встанет во весь свой рост проблема образования переселенцев, прежде всего, их детей. Но каков же «воспитательный идеал личности», который они хотели бы получить на выходе из учебного заведения? Смогут ли молодой сириец или турок, овладевший азами европейских языков и запомнивший с десяток знаковых имён из совершенно чуждой ему культурной сферы, в будущем стать зодчим национальной культуры или патриотом Европы? Или достаточно воспитать в нём всего лишь толерантный интерес либо просто «неагрессивность» к великой европейской культуре? От этого существенно зависят различия воспитательно-образовательных стратегий. Система образования раскалывается на ряд плохо связанных сегментов. Всё-таки речь идёт как-никак о жителях одной великой общности! Похоже, что европейцы на территории своей великой некогда культуры обречены на создание бесчисленных «параллельных миров», болезненно соприкасающихся, а то и враждующих между собой.

Последние события показали, что политика «подражания Риму» провалилась. Переселенцы из азиатских и африканских стран, изолированные на замысловатых «параллелях» европейского мира, успели образовать в европейских мегаполисах «проблемные» кварталы, такие, как Бобиньи в Париже, Нантуа в Филадельфии, Мосс-сайд в Манчестере, Гутлойтфиртель в Гамбурге, Брикстон в Лондоне, Ньиве Вестен в Роттердаме, Мингет в предместьях Лиона... О печальных последствиях читаем в прессе. Европа, а в последнее время и США, не успевают качественно ассимилировать новые поступления заморского этнического материала. Возникает новая педагогическая тенденция, поддержанная специальным постановлением ООН: не изолировать детей переселенцев по

национально-этническому признаку, а интегрировать их в традиционные школьные коллективы, по возможности «растворять» в них, чтобы с детства воспитывать в них те же *обязанности* перед приютившей их культурой, что и у «титულных» европейцев (так наз. «инклюзивное обучение»). «Инклюзив» должен исправить то, что разрушил «мультикультурализм». Рассчёт строится на том, что «более высокая» культура подчинит себе «менее высокую». Посмотрим, что же получалось до сих пор.

Тут мы опять возвращаемся к эстетике «мусорных баков». Наш беглый анализ «Гарри Поттера», куклы Барби и «Звёздных войн» должен был показать истинный уровень установившейся в Европе молодёжной культуры. Оказывается, она уже была полностью готова к восприятию как раз «менее низкой» культуры пришельцев, т. е. к диссимилиации¹⁶. Разумеется не в буквальном виде, не в импортированной форме, но со своеобразными европейскими «усовершенствованиями» в виде гремучей смеси секса, драйва молодости, южной экзотики, словесных вольностей и агрессивной музыкальной суггестивности.

Приведём пример из музыки. Такие характерные черты довоенной эстрады в Европе, как изысканность, утончённость, лиризм, искренность и в известной мере демократичность, были унаследованы главным образом от праздничного и изящного стиля венской оперетты. Прослеживалась преемственная линия «Моцарт – Йоганн Штраус – эстрадный шансон». Послевоенная массовая культура постепенно порывает с «венской классикой» и становится (как сейчас выражаются) «гламурной». Гламур по своему происхождению — это стиль, выражающий стремление женщины привлечь внимание к собственной сексуальности с помощью эстетически агрессивных и навязчивых, гипертрофированных, аляповато-вульгарных акцентов (макияж, одежда, манеры, лексика).

¹⁶ Диссимилиация — утрата сложными веществами своей специфичности, разрушение сложных органических веществ либо структур до более простых (например, в химии и биологии, в языке, в общественных группах).

Новая эстрада — это в основном эстрада «гламура». Именно в «гламуре» произошла «встреча» авангардных художественных поисков в рамках «титულიной», европейской культуры, успешно найденного вектора рыночной коммерции и, наконец, «космополитических» вкусовых запросов новых маргинальных мас из пригородов. Правда, получается, что победили именно вкусы последних. Искажение и эстетическое надругательство над классическими образами и «иконами стиля» отражает постепенное нарастающее довление маргинально-мигрантского элемента. Ведь европейские ценности и культура для этой новой категории публики — всего лишь географически и исторически далёкий, эстетически и идейно чуждый мир. Но европейская молодёжь именно такое отношение перенимает как норму. Массовое голосование европейцев за «бородатую женщину» Кончиту Вурм на Евровидении-2014 является тому свидетельством.

Гламур сигнализирует об утрате Европой её «европейскости». Гламур — это тревожный сигнал о «деевропеизации» Европы.

Но не будем забывать, что эстетика «параллельного существования» в мире репа, обсценной лексики и «мусорных баков», словом эстетика «обочины жизни», была подготовлена ещё европейским хиппизмом, эстетикой «детей-цветов на мусорных кучах», и потому была воспринята Европой как нечто для неё логичное. Такова своеобразная месть мигрантов изысканной культуре страны, принявшей их, месть за то, что, приняв, не признали до конца «своими»¹⁷. Это плебейский плевок презрения снизу; но плевок этот с радостью восприняли те, кто считал себя «наверху культуры», и восприняли как новое слово в искусстве!

¹⁷ См.: *Хишам Мельхем*. «Почему эти молодые мусульмане нас ненавидят?» в вашингтонском журнале «*Politico Magazine*». Автор анализирует мироощущение мусульманских переселенцев в Европе, воспринявших «мир, в котором они родились», как свой родной и естественный, однако, «когда они сталкивались с систематическими затруднениями в обществе и культуре, мешавшими им стать полноправными гражданами в стране своего рождения», то страдали от того, что «по какой-то старой памяти» это общество отказывалось признавать их «своими». Русский перевод: http://inosmi.ru/social/20151209/234738443.html?utm_source=1793700&utm_medium=banner&utm_content=4215846&utm_campaign=495549).

Во многом от переселенцев восприняла европейская молодёжь, по сути, плебейские формы протеста, связанные с уничтожением предметов цивилизации. Так когда-то вандалы крушили римские статуи и забрасывали горячей смолой храмы и виллы. Но ведь об этой протестности давно уже свидетельствовали граффити на стенах общественно значимых зданий в центрах городов. В этих буквах гигантских размеров нет слов и смысла, это *псевдо*-буквы. Это о них Маяковский мог бы повторить свою строку: «Улица корчится безъязыкая». Несомненно, бессмысленность этих огромных букв объясняется тем, что придумавшие их молодые люди не в силах были освоить язык приютившей их цивилизации либо *намеренно* отвергали его. Парадоксально, что власти, поощряя такую нигилистически-бессодержательную «креативность», не распознали в ней зреющий молодёжный бунт. Впрочем, возможно, предпочли лучше *игровой* бунт, чем настоящий.

Эра компьютера и проблема ценностей

Сначала любопытный факт. Согласно результатам социологического опроса, проведенного американской компанией «Public Policy Polling», 30% электората Республиканской партии США выступают за военное вмешательство США в Аграбу, вымышленный город, в котором жил мультипликационный персонаж Аладдин; 57% респондентов не уверены в целесообразности бомбардировок, а 13% и вовсе выступили против. Среди электората Демократической партии лишь 19% высказались в пользу военного вмешательства Вашингтона, а против выступили 36%¹⁸. Мы видим, что компьютерная виртуальность превратилась в реальность, а действительные войны с человеческими жертвами воспринимаются как игра.

Задача официальной идеологии в постмодерной Европе заключается в перемещении протеста из социальной области в игровую, т. е. в область настроений, эмоций, острого возбуждения и экстаза, всего того, что связано с

¹⁸ <http://ria.ru/world/20151219/1345354864.html#ixzz3uqGG476O>

«художественным мас-культом» и игрой как его составной частью. Многие протестные акции в наши дни и начинаются в виде «игры» — тусовок студенческой молодёжи, футбольных фанатов, фанатов компьютерных игр, завсегдаев художественных хэппенингов... Эти люди приносят на площади европейских и восточных столиц свою психологию игры и её правила. Вот почему их действия с точки зрения реальной протестной (политической) тактики часто непредсказуемы и неуправляемы.

Подростковая «игровая» психология не так уж безобидна в масштабах политики. Повзросление человека связывается с его способностью строить собственную, национальную (или *сверх*национальную, универсальную, глобальную) культуру. С этой целью каждое общество стремится воспитать особенный, пусть и узкий круг людей — *элиту*, где это желание выражено с особенной интенсивностью и упорством. Однако европейское общество настолько охвачено диссимилятивными процессами, что повсеместно распространилось среди молодёжи равнодушие к отечественному культурному созидательству, гражданская пассивность, нежелание вмешиваться в «жизнь взрослых», желание закрыться в своём коконе детства. Когда же тинэйджеры на какое-то время отрываются от игры, чтобы принять участие в гражданской жизни, то и её воспринимают как игру. Игра не требует широкой философской и культурной образованности, а лишь умения ловко ориентироваться в «правилах». А в современном европейском обществе всё построено именно на готовых правилах. «Ныне (...) укрепились уверенность, что для каждого вопроса должен существовать верифицирующий ответ, что проблемы и решения не заслуживают осмысления — достаточно просто найти нужный вариант»¹⁹. Сама тотальная регламентация жизни, её полная переводимость на правила, инструкции, «квесты», стрелки и указатели и т. п. полностью превратили буржуазное существование в игру, по крайней мере, для молодёжи. Граница между

¹⁹ *Киссинджер, Генри*. Мировой порядок / Пер. с англ. — М.: АСТ, 2015.— С. 455.

виртуальностью и жёсткой (непредвиденной, «самонастраивающейся») реальностью оказалась стёртой, как и границы между реальностью и «симулякром», реальностью и «фэнтези». Такая игра не готовит к взрослой жизни. Наоборот, она сводит взрослую жизнь к игре, в конечном счёте — к *инфантильности*.

Инфантилизация — увы! — характерная черта современного европейского общества. В этом одна из причин обнажившегося на наших глазах конфликта между западной и восточной цивилизациями. Уже давно проявлялось глухое недовольство тех народов и этносов на планете, в представлении которых общественное бытие должно быть связано пусть с простыми, но морально непоколебимыми постулатами, ценность которых не должна подвергаться никаким сомнениям. Эти народы живут прежде всего на Востоке. Осознание собственных ценностей как *не* игровых, а абсолютно серьёзных проявляется в том, что взрослость *там* наступает гораздо раньше, чем в Европе²⁰. Прибавьте ещё обиду на то, что в условиях американо-европейской цивилизации происходит морально-психологическое «перекодирование» восточного человека в системе ценностей, которые повсеместно на Востоке признаются деградированными! И ведь действительно — наиболее доступными и наиболее соблазнительными в американо-европейском мире являются «ценности» гедонистического потребительства, против чего буквально вопиют все морально-религиозные системы Востока!

Если в Гуттенберговой цивилизации книга продолжительное время занимала (и продолжает занимать) почётное место как носитель высшей мудрости, о чём свидетельствуют, например, Библия и Коран, то компьютер слишком стремительно прошёл путь от бесценного носителя информации к тривиальной игровой приставке. Если посредством книги цивилизация укреплялась, то имеются опасения, что от компьютера она может

²⁰ В Италии государство выплачивает матерям-одиночкам пособие по воспитанию ребёнка до 26-летнего возраста «ребёнка»!

погибнуть... в Европе! Выживет та цивилизация на Земле, которая не отдаст себя в рабство к компьютеру.

Но продолжим тему. В эпоху компьютера сильно затруднены возможности воспитания как планомерного раскрытия всех творческих возможностей личности, из-за чего, собственно, и отправился в мусорную корзину истории «модернистический проект» немецких романтиков. Благодаря компьютеру никто теперь не может быть ограждён от нежелательного влияния извне, не может вообще обособиться границей от постороннего мира и чувствовать себя и *свою нацию* надёжно защищенной от чужого. Чужое постоянно присутствует. И что бы ни говорил, например, школьный учитель, он должен вести полемику с чужим и невидимым в сознании подростка. Педагог ведёт свою воспитательную работу в условиях, когда стерильность эксперимента постоянно нарушается; он устанавливает свои сверхточные приборы на постоянно качающейся палубе, на постоянно вибрирующей основе.

В отличие от тактики реальных боевых действий, методика противодействия «киберпомехам» («чужому») пока ещё не разработана. Основные силы учителя могут быть затрачены как раз на нейтрализацию помех, нежели на изложение нужного материала. Педагог с пафосом созидания нагружает одну чашу весов, даже не подозревая, насколько велик разрушительный противовес, находящийся на другой чаше. И такова ситуация в свободном, незамкнутом, *нетоталитарном* обществе. *Создавать* может только тоталитарное общество; творец, если он хочет что-то создать, должен быть в известной мере аскетом, т. е. от многого себя ограждать²¹. Что же касается свободного общества, то можно лишь пытаться *поддерживать* уже достигнутое равновесие в нём.

Мнение анонимного большинства, например, в Фейсбуке, для личности может значить больше, чем преподаваемая в школе истина, освящённая

²¹ Христианская церковь, чтобы создать свою завоевавшую мир философию духа, должна была сначала на несколько столетий отгородиться от внешнего мира в своих монастырях.

авторитетом «классика» или даже любимого учителя. Учитель не может даже точно определить возраст, когда его ученик вовлекается в «большой мир» киберпространства и перестаёт воспринимать авторитет школы. Он постоянно запаздывает со своей методичностью. Важнейшие дидактические принципы постепенности и соотнесённости с возрастной психологией (при получения знаний) постоянно нарушаются вмешательством извне, со стороны «анонимного чужого». Педагог живёт в квартире, где ежеминутно совершается взлом; и он же ещё должен содержать эту квартиру в образцовом порядке!

В своей книге «Мировой порядок» Генри Киссинджер привлекает понятие «кастомизации», отражающее в эпоху информатизации тенденцию к формированию каст, которым свойственны обособленность, замкнутость и наличие привилегий (вспомним об «элите»). Кастомизация отражает усиление в XXI в. «инвентаризации» всех групп населения по множеству главных и неглавных признаков (любители заграничного туризма, фанаты компьютерной или футбольной игры, гомосексуалисты, представители различных профессий, ветераны различных военных действий, любители шопинга, любители отечественного либо зарубежного рока, сторонники той или иной политической силы, члены разных религиозных организаций и сект и т. п.). Это принципиально усложняет картину общества сравнительно с классическим разделением на социальные «классы» и «прослойки». «Кастомизация» даёт возможность капиталу классифицировать всё многообразие человеческой массы с целью получения экономической прибыли (как показал наш анализ в разделе о детском книжном рынке), а в случае необходимости — идеологически воздействовать на все «уловленные» страты в массовых масштабах (например, для организации политических акций). Без такой «кастомизации» невозможны были бы также военно-политические действия в разных уголках земного шара.

Другое дело, что способы обработки данных кастомизации — дело трудное. Непредсказуемым остаётся *психологический*, особенно *национально-*

психологический фактор. Сама по себе кастомизация не даёт ответа, как поведёт себя та или иная группа людей в критический момент. Например, срез пользовательских комментариев на ключевых сайтах и популярных порталах в интернете может давать одно представление об эмоциональной температуре в обществе, но в реальности настрой общества может оказаться совсем другим. На сегодняшний день наиболее работающей является функция разрушения, а не организации, хаотизации, а не упорядочивания общества с помощью управления стратами.

Для нас же из всего этого важно то, что школьный учитель на своём рабочем месте действует всего лишь в соответствии с внутренней, узкой «кастомизацией» состава учеников, которая включает психологические характеристики, данные о текущей успеваемости, о посещении кружков и секций, сведения о родителях и бытовых условиях семьи... Однако нынешний педагог должен знать, что тот же ученик включён в другую, *более обширную и системную классификацию*, в составе которой он (наряду с другими участниками «касты», например, его же родителями, друзьями по переписке в соцсетях) подвергается более мощному воздействию, противостоять которому учитель, даже во всеоружие «личностного похода»²², просто не в силах!

Печальнее всего, что кастомизация делает невозможным монистическое гражданственное и моральное воспитание. Ведь если идеология, согласно классической формулировке, есть система взглядов, которую господствующий «класс» стремится распространить во всём обществе, то с усложнением социально-стратовой картины общества возникает ситуация «мультиидеологий», либо, с другой стороны, господствующая идеология сводится к чрезвычайно общей формуле, например, «разрешено всё, что хотите, только не бунтовать!».

²² Это один из главных постулатов, который содержит «Національна стратегія розвитку освіти в Україні на 2012–2021 роки».

Понятно, что в условиях анонимной кастомизации вопрос о «ценностях» или должен отпасть сам по себе, или превратиться в самую общую формулу, которую, приняв за несущую основу, тем самым выводят вообще из поля зрения. Или же каждый раз она получает софистическую трактовку в зависимости от пользы момента (так называемые «двойные стандарты»).

Тут возникает вопрос о пресловутом общественном мнении, которое в действительности всё более разделяется на «реальное» и «сетевое». Ведь современное глобализованное общество живёт не только в географических измерениях, а и в сетевых. Поэтому «цифровое большинство», как правило, не совпадает с реальным, общественным большинством. У первого может возникнуть (и возникает!) иллюзия общности, сплочённости и всеилия; ведь они «общаются» друг с другом в интернете, знают друг друга, оказывают друг другу поддержку в жизненных вопросах!.. А это даёт им мнимое право игнорировать «реальное» большинство. Зона «цифрового большинства» (представленного в виде «друзей» в социальных сетях) даёт подростку психологические силы противостоять тем, кто в них не представлен, — а это априори родители, школьные учителя, университетские преподаватели «и вообще все взрослые».

В заключение ещё раз процитируем Г. Киссинджера: «Массовое применение “информационных технологий” вовсе не гарантирует, что ценности, которые установятся в обществе, будут совпадать с ценностями Интернета или даже с ценностями большинства населения в конкретной стране»²³. Таким образом, сегодня выявлен специфический конфликт XXI века — между реальными духовными ценностями, которые утверждаются путём изучения классических текстов прошлого, и «ценностями», распространяемыми в Интернете. Классические ценности являются смысло- и культуру-образующими; интернет-«ценности» направлены преимущественно на манипуляцию сознанием. В отличие от классических

²³ Киссинджер, Генри. Мировой порядок / Пер. с англ. — М.: АСТ, 2015.— С. 462.

ценностей, которые формировались исторически продолжительное время в тесном взаимодействии с реальной жизнью и вербализовались теми выдающимися людьми, которых мы с тех пор именуем своими «духовными лидерами», «вождями нации» и «национальными гениями», «сетевые ценности» носят не просто анонимный характер, но и устанавливаются хаотично и бессистемно, независимо от проверки реальностью, и существуют в основном как непроверенные *версии* («симулякры»), вводимые или мгновенно отменяемые словно по мановению невидимого дирижёра. Однако именно их влияние на умонастроения «широких масс» людей во много раз больше, чем влияние классических ценностей.

Наш общий вывод таков. Если *классическая* Европа развивалась путём непрерывного инокультурного синтеза, творчески перерабатывая лучшие духовные открытия всех времён и народов и привлекая для этого свои лучшие интеллектуальные силы, то постмодерн такому синтезу положил конец. В основе нашего времени — рыночный «синтетический спрос», формирующийся стихийно, анонимно и непредсказуемо. Постмодерн принципиально выступает против национального, самобытного, индивидуального. Этим объясняется его тенденция разрушать национальные авторитеты и ценности, тенденция принижать роль национальных гениев. Рождение нового синтеза следует ожидать уже не в сердце Европы, где утвердилась эстетика разрушения и «симулякров», а там, где национальная пассионарность направлена на обогащение новыми культурными *смыслами* в интересах развития. В этом, возможно, и будет заключаться развитие на новом витке исторической спирали «модернистического проекта» немецких романтиков, нигилистически отброшенного «западной» цивилизацией, порабощённой собственным меркантилизмом.

К о н е ц